УДК 80+21:14

Е. К. РЫКОВА

ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ РУССКИХ ПИСАТЕЛЕЙ-МАСОНОВ

Рассматриваются эстетические искания русских писателей-масонов.

Ключевые слова: эстетика, масонство, литература XVIII века.

До последнего времени деятельность масонов рассматривалась с точки зрения их влияния на политическую или религиозную жизнь Европы и других континентов. И в наше время распространением масонства объясняют процесс глобализации, духовного упадка человечества, о чём свидетельствуют исследования современных учёных, и прежде всего историков и политологов [1].

Такую оценку можно объяснить тем, что на Западе масонство действительно изначально готовило своих адептов к решению глобальных вопросов, оно было близко общественным кругам, которые решали государственные проблемы [2].

В России, куда масонство проникло в эпоху Петра I, масонство развивалось несколько иначе, чем в Европе. Кроме того, следует отметить, что в наше общества оно было искусственно импортировано в Россию и по сути навязано, как и все петровские реформы. Для традиционного русского сознания оно не было органично, но, поскольку реформы Петра во многом внедрялись насильственными средствами, то и здесь образованной части общества не приходилось выбирать. Так же, как пришлось принять европейскую моду, этикет и т. д., часть дворян начала осваивать масонские идеи.

Однако следует отметить в защиту русского дворянства, что в XVIII веке в России масонство натолкнулось на барьер, которым оказалась русская религиозность.

Главная масонская идея создание одной мировой религии на какое-то время оказалась привлекательной для русских дворян, которые пошли за европейскими учителями. Первые масоны, в число которых можно включить и группу писателей, сплотившихся вокруг Новикова, увлеклись масонством на какое-то время, позже к ним пришло прозрение об истинных целях этого учения, и они прекратили свою деятельность в ложах.

© Е. К. Рыкова, 2006

На сегодняшний день проблема русского масонства остается актуальной и мало изученной, нам хотелось бы принять участие в её решении. В данной статье ставиться вопрос о характере влияния масонского учения на эстетические парадигмы русской культуры. При этом следует несколько сузить объект исследования – речь будет идти о русских масонах екатерининской эпохи, а если сказать более точно – о членах ложи Н. И. Новикова «Гармония».

Как известно, деятели русской культуры этого периода активно становились адептами масонства. Мы знаем об участии архитектора В. И. Баженова, художника В. Л. Боровиковского, композитора Д. С. Бортнянского и др. Однако не только посвящённые в масонские объединения влияли на формирование новой эстетики. Можно смело утверждать, что большинство русских деятелей культуры так или иначе отразили в своих произведениях эстетику масонского ордена [3]. Во-первых, потому, что они сами участвовали в масонском движении, а во-вторых, масонская символика, образность имела большое распространение в русском обществе, можно даже говорить о своеобразной моде на масонство. О характере данного симбиоза орденского и профанного (по терминологии масонов) в искусстве XVIII столетия следует говорить не в короткой статье, а в объёмном исследовании. Исходя из этого, остановимся на некоторых аспектах влияния масонской эстетики на литературный процесс.

Писатели, принадлежащие масонским кругам, обогатили русскую литературу своими сочинениями и переводами. Их творческие достижения были необычайно разнообразны, они работали в разных литературных жанрах: писали очерки, повести, апологи, оды, поэмы, драмы и т. д. Наиболее известные авторы указанного периода из числа московских масонов – И. В. Лопухин,

М. И. Невзоров, Н. И. Новиков, И. П. Тургенев, М. М. Херасков и др.

Время их творчества совпало с периодом обострённого внимания к проблеме роли литературы в жизни. Формирующаяся литература нового времени начинала отстаивать свои права и доказывать свою необходимость. Обличительная литература утверждала социальную проблематику, просветительская продолжала настаивать на обучающей и воспитывающей функции, активно складывалось представление о развлекательной роли искусства. Писатели масонского круга выбирали иную цель, которую связывали с задачей сосредоточения внимания на духовной жизни и поиска ответы на вечные вопросы бытия.

Следует отметить, что проблема назначения литературы в обществе решался масонами неоднозначно, по мере их освоения данного учения формировались новые ответы на вопрос.

В самом начале деятельности Новиков и его единомышленники соединяли масонство с идеями Просвещения и считали, что приоритетное положение в обществе должна занимать нравоучительная литература. В раннем масонском журнале Новикова «Утренний свет» помещались в основном сочинения античных моралистов Эпиктета, Сенеки, Цицерона, Марка Аврелия, Плутарха и др. Как видно из данного перечня, новиковские масоны раннего периода обращались к сочинениям философов-стоиков и моралистов, пытаясь с их помощью разработать практическую философию. Вопросы этики изначально волновали русских масонов в отличие от западных. Нравственные доминанты древнерусской культуры, передавшиеся русским адептам, сыграли в этом выборе не последнюю роль.

Писатели-масоны новиковского круга обратились к созданию светской литературы. Например, у Ивана Владимировича Лопухина есть драма «Торжество правосудия, или Добрый судия». Однако в отличие от писателей-сентименталистов они не увлекались светскими приёмами, выражавшимися в занимательном сюжете, изящном слоге и т. д. На первом месте у них было нравоучительное содержание, они говорили, что лучше «сухо» говорить о добре, чем «изящно» о пороке.

Драма Лопухина была напечатана отдельным изданием в 1794 г., затем издавалась ещё несколько раз, в начале книги замечание от издателя, в котором говорится, что задача писателя не эстетическая, а воспитательная и что вся пьеса написана за 8 дней. «Добрый судия» скорее не драма, а рассуждение в разговорах нескольких лиц. Она совпала со стремлением к самостоятельности в драматургии, отходе от подражаний иностранцам.

Содержание пьесы – нравоучительные разговоры честных и добродетельных лиц с порочными. Помещик Самолюбов незаконно владеет чужыми землями и обращается к судье Правдолюбову с просьбой защищать его интересы. Однако судья отказывается идти на сделку с Самолюбовым, даже несмотря на то, что их дети любят друг друга и Самолюбов в случае отказа судьи не даст согласие на брак своей дочери Нежны с сыном судьи Честнодумом. Самолюбов размышляет о своём долге: «Когда воин идёт сражаться за своё отечество, должен ли он удерживаться каким-либо страхом? Судья сражается за правду и спокойствие общества…Два эти служения различно именуются, а предмет их один». Развязка драмы неожиданная: Самолюбов вдруг решил устроить счастье своей дочери с Честнодумом.

В этот период московские масоны обращались к идеям западных философов и теоретиков искусства. Так, например, в «Ежемесячном московском издании» появились статьи Лейпцигского профессора Геллерта о назначении искусства «О действии наук над сердцем и нравом человеческим» [4]. У Геллерта они находили подтверждение своим убеждениям, что искусство в большей степени помогает человеку познать «своё предписание», и таким образом оно даёт истинные познания о мире. Не логика, не математика, а художественное творчество открывает человеку глаза на жизнь. Масонам были близки слова Геллерта: «... с прилежностью, примечанием и с чувствами прочитавшие хотя некоторые, но лучшие книги так, что часто даже к сложению себя одушевлённым чувствовал; или от обхождения с учёными приятелями пользу чтения дознавший; *таковый только заимствовал свет от учения* (курсив – Е. Р.), и сердце своё и нрав устроил сообразно их предписанию». Возможно, что эта статья во многом утвердила их в том, что искусство имеет первостепенное значение в процессе формирования личности. Это убеждение стало реализовываться в их издательской и писательской деятельности. В статьях Геллерта отразилось просветительское понимание роли искусства – глубокое «восчувствование красоте в писателях» облагораживает читателя. Освоив просветительскую концепцию, масоны не остановились на этом.

В дальнейшем своём развитии русские масоны пришли к убеждению в том, что литература – это особый способ общения с Богом, это путь к Божественному Откровению. Такое заключение

было сделано после длительного увлечения писателей идеями средневековых мистиков, начиная с Дузетана и Мейстера Экхарта. Как известно, масонство имеет эклектичную теорию, частью которой стали различные философские и религиозные концепции. Одно из центральных мест в этих теориях занимали идеи мистиков, теософов. Поиск Бога, попытка найти доказательств Его существования и привели русских масонов к мистическому пониманию роли искусства в жизни общества. Таким образом, именно в их теории можно обнаружить истоки пророческой миссии поэта и писателя, ставшего посредником между Богом и людьми. В качестве аргумента можно привести примеры художественных сочинений писателей и поэтов, входивших в новиковскую ложу «Гармония».

Одним из них был Иван Петрович Тургенев, который обратился к жанру «переложений» ветхозаветных псалмов. Особенностью его переложений стал необычайный лиризм стихов, проникновенное ощущение Богоприсутствия в жизни поэта. Псалмы у Тургенева – это рассказ человека о борьбе с самим собой, со своими страстями, рассказ о человеке, который пытается побороть искушения «тёмной бездны». Тургенев возвращает псалму его первоначальную функцию – молитвенного обращения к Богу. Как единый призыв к Богу – «Услыши, Господи, и призри, Боже мой!» [5] – воспринимаются его произведения. Литературное слово нужно ему для того, чтобы разговаривать с Богом, при этом он не только сам обращался к Богу, но и, как ему казалось, «слышал» ответные слова. В его дневнике читаем: «... вспоминаю духом твоим божественно сказанные слова, что сердце сокрушённое и смиренное твое презирает» [6]. Для него стало важным понимание сакрального назначения искусства. Он испытывал ощущение того, что поэт выполняет миссию пророка, ему было свойственно сильное религиозное чувство, Божественное для него стало признаком поэтического.

На взгляды московских масонов сильное влияние оказала личность И. К. Лафатера, друзья Новикова не только состояли в переписке, но и лично были знакомы с известным в то время швейцарским «магом», многие его взгляды на искусство были близки писателям из новиковского окружения. Так, например, в их творчество входит тема раздвоенности героя, объясняющаяся тем, что душа и тело влекли героя к двум различным полюсам. В поэзии масонов появляется лирический герой, который томится земной жизнью, позднее этот мотив станет преобладающим в творчестве русских романтиков.

Они не принимали утилитарных и прагматических взглядов энциклопедистов на роль искусства, а также не поддерживали активно выдвигаемый сентименталистами тезис о приоритете эстетического. Они считали, что искусство должно сохранять в первую очередь религиозный смысл, а процесс творчества – приближаться к состоянию «откровения» и священнодействия. Русские масоны, входившие в новиковское окружение, стремились соединить искусство и религию.

В их произведениях можно обнаружить ощущение трагизма бытия, повышенную чувствительность героя к происходящему вне и особенно внутри него, экспрессивную тональность произведений. Однако вместе с тем они не «умерщвляли» плоть, как это делали западные писатели-масоны.

Ещё одно достижение в эстетике московских адептов – стремление к постижению тайн человеческой души, выразившийся в психологизме. В русских масонских ложах существовало правило: каждый неофит, а затем и адепт должен был вести своеобразный «дневник наблюдений», в котором фиксировал различные оттенки своих чувств и переживаний. На общих собраниях часто им представлялось слово для того, чтобы рассказать «братьям» по ложе о своих наблюдениях над собой. Такая привычка часто закреплялась и ведение дневника становилось естественным и привычным делом. Современные исследователи начинают обращаться к анализу этих дневников, которые, по определению Н. Д. Кочетковой, можно назвать «психологическими этюдами».

Сохранившиеся фрагменты подобных записей свидетельствуют об огромной работе, которая проводилась в тиши кабинетов московских масонов. Так, в записях из архива И. П. Тургенева читаем: «О прочих пороках, ежедневно мною играющих, не говорю. За множество их, как то: о нескромности, рассеянии, грубости <... >. Как то: огорчение тех, с коими я обхожусь, гнев, воображение и самое исполнение непозволительного, забвение моей должности и, следовательно, исполнение моего обещания. Если угодно видеть ежедневное падение моё и <... > подробнейше читать описание моего падения, то покажет моя дневниковая записка» [7].

Таким образом, московские масоны, решая вопрос о назначении литературы и цели их творческой деятельности, сходились на мысли о необходимости с помощью литературы искать и находить ответ на вопрос о «предписании», которое

Бог даёт человеку. В записях есть замечательная фраза: «При успокоении страстей моих слышу глас, вопиющий ко мне: то добро, а это зло. Откуда голос сей? Ему хочу последовать» [8]. В процессе творчества писатель идёт на этот голос и ведёт за собой читателя к пониманию добра и отвержению зла.

Роль русских писателей-масонов XVIII века довольно разнообразна, но её ещё предстоит осмыслить и оценить, поскольку само это учение необычайно противоречиво и, вероятно, оказало не только положительное, но и негативное влияние на процесс развития как литературы, так и всего искусства в целом. Именно писатели-масоны были прежде всего проводниками мистических идей в русское общество, что в свою очередь способствовало дальнейшему дистанцированию людей от православия.

ПРИМЕЧАНИЕ

1. Замойский, Л. Масонство и глобализм. Невидимая империя. – Режим доступа: http://bookcase.kroupnov.ru/pages/library/Masonstvo/head_01.htm
2. Херасков, И. М. Происхождение масонства и его развитие в Англии в XVIII и XIX веках. Перцев, В. Н. Немецкое масонство в XVIII веке. Васютинский, А. М. Французское масонство в XVIII веке // История масонства. Великие цели. Мистические искания. Таинство обрядов. – М. : Изд-во ЭКСМО-Пресс, 2002.
3. Асафьев, Б. В. Русская живопись. Мысли и думы. – Л.-М., 1966. Мазуренко, В. Н. Музыка и масоны. – СПб., 1994.
4. Московское ежемесячное издание. –1781. Ч. 2.
5. Тургенев, И. П. Псалом 12 // Тургенев И. П. Некоторые подражания песням Давидовым. – М. : В Универ. тип. у Ридигера и Клаудия, 1797. – 19 с.
6. РО ИРЛИ. – Ф. 309. – N 99. – С. 82.
7. РО ИРЛИ. – Ф. 309. – № 99. – С.46.
8. РО ИРЛИ. – Ф.309. – №99. – С.29-30.

Рыкова Евгения Константиновна, *доцент, кандидат филологических наук ,с.н.с., кафедры «Филология, издательское дело и редактирование» УлГТУ. Имеет публикации по истории русской литературы и масонства XVIII века.*

УДК 82.09

Г. МИХАЙЛОВА

К СПОРАМ О ПРОЗЕ АЛЕКСЕЯ СЛАПОВСКОГО (ДЕТЕКТИВНАЯ ПАСТОРАЛЬ « ВЕЩИЙ СОН»)

Исследованы жанровые аспекты прозы А. Слаповского.

Ключевые слова: пасторальный жанр, принципы наррации, вариативность жанра.

Известный прозаик, драматург и сценарист Алексей Слаповский – автор большого количества рассказов, повестей и романов, которые обычно относят к постмодернистской прозе. «Детективная пастораль» «Вещий сон» – не исключение. Слаповский не «отражает» реальность, а «создаёт свой параллельный мир, со своими героями и с моими мыслями по этому поводу» [2]. Создаётся, однако, не оригинальный «параллельный реальности» текст, а текст, «параллельный» чужим литературным языкам. В повести немало аллюзий и цитат, отсылающих читателя, главным образом, к хорошо известным произведениям.

По мнению критиков, литературность произведений Слаповского – самая заметная черта его творчества. Это оценивается неоднозначно. Приведём полярные суждения по поводу аллюзивности творчества Слаповского. Одни считают, что его проза – это «платоново-достоевско-салтыково-щедрино-добычино-фолкнеро-маркесовский коктейль» [7]. Другие полагают, что Слаповский способен «*тонко балансировать*» между «множеством различных интонаций», «сохранить свое нейтральное место и стравить интонации друг с другом, заставить их наброситься друг на друга и пожирать одна другую» [15] (Курсив мой. – *Г.М.*). Представляется, что в этом случае нужно вести речь о разнообразных проявлениях авторского «я» в прозе Слаповского.

В повести «Вещий сон» в пределах нарратива, организованного рассказчиком, можно обна-

© Г. Михайлова, 2006